

Жун Ху проговорил:

— Он действительно такой человек — горячий, может дать волю своему нраву. Если в его руки попадёт огромная власть, то совершенно неизвестно, к какому всеобщему негодованию это может привести[1]. Спустя долгое время все нерадивые министры, которые каждый день проводили в страхе[2], наверняка станут вспоминать о тех днях, когда страной правил государь. Стоит подождать, когда народ отвернётся и родные покинут его, тогда и справиться с ним будет гораздо легче.

— А далее? — с любопытством спросила Цю Юэ.

— Далее... — Ле Чжунлю остановился и, слегка улыбнувшись, проговорил: — А что будет далее, об этом расскажет князь Мин.

— А? Что, опять я? — истошно выкрикнул Фэн Мин.

Он уже послушно стоял рядом и не причинял беспокойства, так почему вопросы всё ещё сыплются на него, словно камни с неба?

Такие вопросы разве не следует задавать Жун Тяню, который намного умнее, чем он? Или спросить Жун Ху, Ле-эра, Цзы Яня, да кого угодно, ведь они чуточку смысленнее его.

Хуже того, смотря на манеры Ле Чжунлю, то, кажется, ему действительно нравится, когда именно он, Фэн Мин, отвечает на вопросы.

И впрямь голова идёт кругом...

— Князь Мин?

— Хм... Хм... А что у Тун-эра далее? Дайте немного времени на раздумье, м-м. Хи-хи, немного времени, и будет замечательно. — Фэн Мин напряг мозг[3], незаметно пнул рядом стоящего, беззаботного до скрежета зубов Жун Тяня, и приглушённым голосом спешно спросил: — Эй, что должно быть далее?

— Ян Чан, — также приглушённо и спешно ответил Жун Тянь.

Это... больше напоминало, когда учитель, обнаружив, что юноша уснул на уроке, разбудил его и задал задачу по математике.

— Князь Мин?

— Эм-эм! Я думаю, думаю, что это, эм, Ян Чан! — Хоть юноша не расслышал ответ, однако подсказка Жун Тяня должна быть верной.

— Ян Чан? — Ле Чжунлю явно не совсем понимал этот современный оборот речи. — Можно попросить князя Мина подробно объяснить?

— А? Объяснить? Э... дайте мне ещё немного времени подумать. — К счастью, Фэн Мин уже всё понял, и пока он покорно стоял позади Жун Тяня, никто не мог обнаружить его проделки. Тайком снова пнув мужчину, всё так же приглушённо спросил: — Эй, кто такой этот Ян Чан?

Подвергшись двум пинкам, Жун Тянь нисколько не вышел из себя, наоборот, повернув голову, обнажил на мужественном лице лёгкую, но в то же время гадкую улыбку и, понизив тон, сладко проговорил:

— согласишься сегодня ночью со мной испытать новый «чехол» из бараньих кишок, я тотчас же помогу тебе решить эту задачу.

Фэн Мин чуть не плюнул ему в лицо.

Извращенец!

— Князь Мин? — Если бы Ле Чжунлю являлся учителем, то наверняка был бы хорошим и настойчивым.

Взгляд трёх пар глаз упал на князя.

— Далее, у Тун-эра есть ещё одна слабость — неимение военных заслуг, и в армии Силэй его слово не имеет веса. — Хоть Фэн Мин не успел кивнуть, однако Жун Тянь всё же открыл рот, чтобы помочь ему решить задачу, и неторопливо продолжил: — Чтобы быть правителем страны, необходимо крепко держать в руках как военную, так и политическую власть. У Тун-эра, безусловно, хоть какие-то политические взгляды да есть, а вот контроль над армией совершенно отсутствует. Если из этих двух пунктов чего-то не хватает, то хоть сиди он на престоле, всё равно неизбежно потерпит неудачу.

Цзы Янь согласился:

— Верно, большая часть контроля над армией должна быть в руках его дяди — Тун Цзяньмина, если Жун Тун хочет управлять солдатами, тогда неизбежно поругается со своим дядюшкой, заставив его покрыть голову и лицо пылью[4].

— А-а! — вскрикнул Фэн Мин, внезапно осознавая и глядя на Жун Тяня. — Не удивительно, что в прошлый раз, когда мы находились в лагере, ты позволил Тун Цзяньмину уехать обратно в Силэй. Ведь если так оно и будет, то это всё равно, что сохранить для Тун-эра сложного

противника. Сначала позволим им рассориться между собой, а потом мы разберёмся с ними. А ты всё тщательно продумываешь. На самом деле я удивился, почему ты так легко отпустил генерала, которого с трудом удалось поймать?

— Стыдно, стыдно, — и Жун Тянь горько усмехнулся. — Я позволил Тун Цзяньмину уехать только потому, что я очень хорошо знаю его оборонительную стратегию и размещение военной мощи, и в будущем, если будем брать столицу штурмом, это может сыграть нам на руку. Единственный, кто тщательно всё продумывает, так это наш министр, и только.

Мужчина редко когда так скромничал.

Толпа изумилась и невольно рассмеялась.

Жун Ху, подводя итог, сказал:

— В таком случае мы тоже понимаем: чем дольше времени пройдёт, тем больше Жун Тун будет ёрзать на престоле. Вдобавок, учитывая бурную реакцию стран, то лучше позволить Жо Яню стать мишенью, находящейся под обстрелом[5], а государю, скрепя сердце, пока отложить возвращение в Силэй. Министр, Вы ведь это имели в виду, не так ли?

Ле Чжунлю кивнул.

Жун Тянь смело проговорил:

— В таком случае будем делать так, как посоветовал министр. — Мужчина поднял взгляд и посмотрел в окно, покров ночи уже опустился на землю, а в непроглядной тьме мерцали несколько крупинок-звёзд, рассыпавшись по небу.

Император Силэй, вытянув руки, заключил Фэн Мина в объятия и приказал:

— Раз уж завтра никуда не отправляемся, то можем ещё раз всё тщательно обсудить. А сейчас уже поздно, всем нужно отправляться к себе.

Цзы Янь тоже обратил внимание на время и, услышав приказ, сложил руки в знак почтения и проговорил:

— Государь, я с Цянь Линем сначала проверим посты.

Это являлось их обязанностью, и пусть даже Жун Тянь не отдавал ему подобного приказа, молодой генерал всё равно должен был поставить императора в известность.

После чего толпа разошлась.

Ле-эр, слишком резко развернувшись, покачнулся, едва не упав. К счастью, сзади стоявший Жун Ху схватил младшего брата и, поддерживая, хмуро проговорил:

— Ты слишком много выпил, стоит Юн И покинуть тебя, как ты тотчас же начинаешь вести себя безрассудно.

— Юн И? — Ле-эр оглянулся по сторонам и, растянув губы в слегка горькой улыбке, покачал головой, сказав: — Когда не видимся с ним, я действительно немного скучаю. Ах, не стоило в такое время его отпускать. Старший брат, можешь идти, тебя жена ждёт. — И, махнув Жун Ху рукой и думая о своём, юноша нетвёрдым шагом вышел из комнаты.

— Ле-эр? Ле-эр?

Фэн Мин же всё время с беспокойством смотрел на юношу и уже хотел было броситься за ним, чтобы присмотреть, однако Жун Тянь, в чьих объятиях пребывал князь, стал препятствием. Мужчина приказал:

— Цю Юэ и Цю Син, Ле-эр немного перебрал, так что пойдите и позаботьтесь о нём как следует.

Подождав, пока девушки, вымолвив «слушаемся», уйдут, император Силэй вновь обернулся и, двусмысленно улыбаясь, обратился к Фэн Мину:

— Когда же князь Мин отблагодарит этого императора?

— Что значит «отблагодарит»? — прикинулся дураком Фэн Мин.

— Отблагодарит этого императора за то, что тот вывел тебя из затруднительного положения.

— Я ничего не обещал.

— Так значит, ты не намерен сдержать слово?

На что юноша настороженно посмотрел на мужчину, и, неизвестно о чём подумав, внезапно коварно засмеялся, и с воодушевлением сказал:

— Жун Тянь, поскольку новый презерватив сделан, то, может, лучше мне на этот раз им воспользоваться? Ты уже недавно воспользовался одним, а я ещё нет. — Округлив большие глаза, юноша захлопал ресницами и с надеждой посмотрел на него.

Ущипнув любимого за нежную щёчку, Жун Тянь рассмеялся:

— Его сделали по моему размеру, разве он тебе не будет большим и сразу же не спадёт?

— Чушь! У меня больше, чем у тебя! — Юноша покраснел от злости, задумался и, чувствуя, что кто-то сильно преувеличивает, вновь добавил: — Допустим, твой размер больше, но кишка же эластичная, как она может спадать? Я что, никогда не видевший бараньих кишок идиот, что ли?

Жун Тянь расхохотался:

— Кто посмел моего любимого называть идиотом? — Император Силэй не дал Фэн Мину договорить и, подняв юношу на руки и взвалив на широкое плечо, широким шагом направился в спальню.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «небо разгневается и заставит народ роптать», обр. в знач.: величайший — о злодеянии; грозный — о последствиях преступления; вызывающий общее возмущение.

[2] В оригинале фраза звучит как «сердце поднялось, а желчный пузырь повис», обр.: перепугаться, прийти в панику; душа в пятки ушла; сердце замерло, дрожать от страха.

[3] В оригинале фраза звучит как «выжимать мозги».

[4] Китайская идиома, которая означает: расстроить, измучить, потерять лицо, заставить сожалеть о чем-то.

[5] Обр. о предмете всеобщего осуждения и порицания.

<http://bllate.org/book/13377/1190201>